

«У меня на руках было
большое русское дело...»
Воспоминания из архива
генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата
(часть I)

Публикация А. В. Луговой

23 июля 2006 г. состоялась торжественная церемония передачи архива генерал-лейтенанта Дмитрия Леонидовича Хорвата (1859–1937) наследницей Ольгой Олеговной Хорват Государственному музею-заповеднику «Петергоф». Потомственный дворянин, предки которого прибыли в Россию из сербских земель при Екатерине II, Д. Л. Хорват окончил Николаевское инженерное училище, участвовал в русско-турецкой (1878–1879) и русско-японской (1904–1905) войнах. После обучения в Николаевской инженерной академии в 1885 г. отправился на строительство Закаспийской военной железной дороги, где прошел путь от чиновника по особым поручениям до должности начальника дороги.

В 1895–1900 гг. Д. Л. Хорват возглавлял Южно-Уссурийскую железную дорогу и 1-й Уссурийский железнодорожный батальон. В 1902–1918 гг. был управляющим Китайско-восточной железной дороги (далее — КВЖД) и начальником Заамурской железнодорожной бригады.

Временное правительство назначило Д. Л. Хорвата своим комиссаром в полосе отчуждения КВЖД. После свержения Временного правительства Хорват предпринял ряд попыток для сохранения власти и поддержания порядка в регионе. В административном плане он являлся Главным начальствующим в полосе отчуждения КВЖД (1917 г. — декабрь 1918 г.); директором-распорядителем Правления общества КВЖД (апрель 1918 г. — ноябрь 1920 г.); Временным полномочным управляющим полосы отчуждения (январь–март 1920 г.). Как политическая фигура занимал посты Временного правителя России (9 июля 1918 г. ст. Гродеково — октябрь 1918 г.),

Луговая Анна Владимировна,
заведующая
отделом «Новые
музеи и выставки»,
Государственный
музей-заповедник
«Петергоф»
(Санкт-Петербург)

главы Делового кабинета (июль–ноябрь 1918 г.); Верховного уполномоченного (наместника) Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке (октябрь 1918 г. — 1920 г.) и Временного Российского правительства в Маньчжурии (ноябрь 1918 г. — июнь 1919 г.). В 1920 г., когда управление КВЖД перешло к китайским властям, Д. Л. Хорват в течение четырех лет был Высоким советником Правления общества КВЖД (1920–1924). Выйдя в отставку в 1920 г., жил в Пекине. Оставаясь до последнего дня своей жизни противником советской власти, возглавлял русскую эмиграцию на Дальнем Востоке. В 1931 г. получил назначение на должность советника Мукденского правительства по делам КВЖД.

За время службы получил 42 награды, среди которых ордена разных стран: России, Японии, Китая, Туниса, Бухарского ханства и др. Похоронен на кладбище православной духовной миссии в Пекине, на месте которой сейчас располагается парк.

В 1953 г. архив генерал-лейтенанта вывезла в Канаду его вдова Камилла Альбертовна Хорват (1879–1957), принадлежавшая к известной в России фамилии Бенуа. Камилла Альбертовна приходилась внучкой Николаю Леонтьевичу Бенуа (1813–1898), одному из талантливейших представителей русской архитектуры эпохи императора Николая I. **Только** в Петергофе по его проектам построили придворные конюшни, вокзал железнодорожной станции, госпиталь, почту, Фрейлинские корпуса и многие другие здания. Не менее известен был и отец Камиллы Альберт Николаевич Бенуа: художник-акварелист и блестящий музыкант-импровизатор. Его родной брат Александр Николаевич Бенуа — знаток истории русской живописи, художник, публицист и автор воспоминаний.

В конце 1990-х гг. сын Дмитрия Леонидовича Хорвата Дмитрий Дмитриевич с супругой Ольгой Олеговной впервые приехали в Россию, посетили Санкт-Петербург, Москву, Крым, где под Судаком, в местечке Капсель когда-то располагалось имение Дмитрия Леонидовича. Побывали они и в Петергофе, где с 1988 г. открыт Музей семьи Бенуа. После смерти Д. Д. Хорвата в 2004 г. Ольга Олеговна выступила с инициативой возвращения архива в Россию и отправила соответствующее письмо президенту России В. В. Путину. В Министерстве культуры, возглавляемом в то время А. С. Соколовым, приняли решение передать архив в Государственный музей-заповедник «Петергоф». В Ванкувер для встречи с О. О. Хорват, отбора документов и вывоза их в Россию отправились заместитель директора по научной работе Н. В. Вернова и заведующая отделом Т. Б. Вергун.

Летом 2006 г. в присутствии Ольги Олеговны Хорват согласно договору-дарению в Государственный музей-заповедник «Петергоф» передали 2421 единицу хранения. В последующие годы сотрудники музея провели большую работу по систематизации и описанию фонда. В 2012 г. будет издан каталог документов личного архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата из собрания музея.

Архивные документы свидетельствуют о разносторонней административной, инженерно-хозяйственной и политической деятельности Д. Л. Хорвата на Дальнем Востоке

и КВЖД в течение 35 лет, с 1902 по 1937 г. Среди них имеются проекты, контракты, договора по вопросам строительства и эксплуатации КВЖД, журналы и протоколы заседаний Правления общества КВЖД, положения об административных правах и обязанностях управляющего и служащих дороги.

Политическая деятельность Хорвата в 1917–1920 гг. отражена в приказах Главноначальствующего в полосе отчуждения КВЖД, протоколах заседаний Делового кабинета, рапортах, агентурных сообщениях, разведсводках, решениях собраний общественных организаций и митингов. Собственные взгляды Д. Л. Хорвата изложены в Проекте организации власти на Дальнем Востоке, Обращении Временного правителя России к населению, пояснительной записке к Положению о наместнике Всероссийского правительства и записках современников о его деятельности и политике союзных держав на Дальнем Востоке.

Эмигрантский период жизни Хорвата (1920–1937) раскрыт в очерках, посвященных обществу русских эмигрантов и проектах организации русского эмигрантского объединения в Китае. Большой интерес представляет переписка с М. И. Букиным, В. Н. Коковцевым, генералом П. Н. Красновым, Б. А. Бахметевым, В. А. Сухомлиновым, с великим князем Николаем Николаевичем, Е. К. Миллером, А. П. Кутеповым и другими известными деятелями русской эмиграции первой волны.

Хранятся в архиве и личные документы: послужные списки, метрические свидетельства, документы о наследстве, копии грамот о дворянстве, редкие фотографии Д. Л. Хорвата с членами китайской администрации, сотрудниками администрации КВЖД, родственниками, поздравительные адреса.

Отдельный раздел составляют рукописи, раскрывающие личный взгляд Д. Л. Хорвата на происходившие события и причины, побудившие его возглавить белое движение на Дальнем Востоке и объявить себя Временным правителем России.

Несмотря на политическую масштабность фигуры Д. Л. Хорвата, его воспоминания о событиях революции и гражданской войны никогда не издавались в России. Опубликованы только мемуары Д. Л. Хорвата о событиях русско-японской войны 1905–1907 гг., напечатанные 23 марта 1929 г. в харбинской газете «Новая Заря».

В рукописи освещены события, происходившие в полосе отчуждения КВЖД после прихода к власти Временного правительства Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского. Дана оценка их деятельности и причин, приведших к падению демократического режима. Описана борьба за власть на КВЖД между монархистами и большевиками и влияние Японии, США, Англии, Франции и Китая на ее ход и участников. Несомненный интерес представляют разделы, раскрывающие отношение союзных держав к государственному перевороту в России и попытках взять под контроль КВЖД.

Рукопись подробно описывает процесс формирования первых офицерских отрядов для борьбы с большевиками, роль в нем иностранных представителей и различных полити-

ческих сил Приамурья и Владивостока. Особо можно отметить оценку, данную Д. Л. Хорватом профессиональным и личным качествам атамана Г. М. Семенова, адмирала А. В. Колчака, П. Я. Дербера и других деятелей антибольшевистского движения.

Предлагаемая читателю рукопись Д. Л. Хорвата, написанная в Пекине в 1930 г., охватывает временной период с февраля 1917 г. до 26 мая 1918 г. Она хранится в Государственном музее-заповеднике «Петергоф», номер документа по описи фонда ПДМБ 4713–ар. Рукопись состоит из шестидесяти трех страниц, написанных черными и синими чернилами, шестьдесят две из них размером 33×20,8 см, одна страница — 27,6×21,4 см. Часть листов пожелтела и имеет повреждения — заломы, захваты, загрязнения, разрывы, утраты фрагментов. Публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов, явные опiski и ошибки исправлены без оговорок.

Революционные события в Харбине

После хождения в течение нескольких дней по улицам Харбина со знаменами, плакатами и пением Марсельезы, своего революционеры придумать ничего не могли, революционеры приступили к укреплению нового революционного строя. Деятельность исполнительного комитета их не удовлетворила. Они его считали недостаточно революционным.

Во главе его стоял адвокат, хороший оратор, человек невысоких нравственных качеств, но очень умный и дальновидный. Он чувствовал, что разваливать всего строя нельзя. Убедившись, что ему в желаемых им рамках революцию не удержать, он, сведя счеты с прокурором и чинами полиции, которые имели с ним столкновения во время его судебной практики, отказался от поста председателя исполнительного комитета. Его место занял вице-председатель солдат Вульфович.

С выходом Александра из исполнительного комитета, на состав которого он имел большое влияние, один из членов этого комитета, Рютин, не выходя из состава исполнительного комитета, образовал параллельно другой революционный орган: «совет рабочих и солдатских депутатов»¹.

Во главе этого органа оказался тот же прапорщик 548 дружины Рютин². Ему удалось взбунтовать свою дружину, последняя арестовала своего командира, вышла из повиновения строевому начальству и явилась послушным орудием в руках совета рабочих и солдатских депутатов.

Командиром дружины был избран революционными элементами подполковник, уволенный в мирное время со службы по болезни, как лишившийся возможности продолжить службу вследствие прогрессивного паралича. Он был принят на службу во время войны вследствие недостатка офицеров. Этого человека, потерявшего вследствие болезни волю

и рассудок, можно было подбить на что угодно. По требованию рабочих и солдат был арестован начальник железнодорожной бригады полицмейстер города Харбина.

Революционеры, после образования местных политических организаций и профессиональных союзов, начали очень торопиться с выборами в Учредительное собрание, которое должно было определить образ правления в России. Они боялись, что если пройдет революционный пыл, то социалисты и другие партии потерпят поражение. Могут одержать верх монархистские тенденции.

Неизвестно как, но быстро были сфабрикованы выборы. Выборами в Учредительное собрание в Харбине руководил исполнительный комитет, состоявший почти целиком не из местных людей, а людей никому не известных и неизвестно откуда прибывших. Несмотря на энергичную пропаганду социалистов, большевиков и других политических партий и на то, что при урнах стояли вооруженные люди, которые заставляли класть записки в известные урны, я получил много голосов и оказался по количеству записок вторым после социалиста Стрелкова, получившего наибольшее число голосов³.

Таким образом, опасения революционеров не были лишены основания. Второе место на выборах осталось за монархистами. Народ вместе с агитаторами бунтовал, но революционерам не доверял.

Приведу один эпизод, бывший у меня на родине. Приехали в деревню моей сестры агитаторы. Устроили из бочек возвышение, обтянули это сооружение красной материей и начали агитацию в пользу республиканского образа правления для России. Причем утверждали, что с республиканским строем придут свободы, не будет бедности, не нужно будет платить налогов и крестьян наделят землей.

Все преимущества республиканского строя так понравились крестьянам, что они подписали приговор (так в оригинале. — А. Л.) о республиканском строе для России. Когда сукно убрали и агитаторы уехали, крестьяне пришли к моей сестре и спросили ее — кто же будет

Д. Л. Хорват. 1900-е гг.

царем при республике? Когда сестра объяснила, что царя не будет, а во главе народа будет президент, которого они сами выберут, они заявили, что на это они не согласны и послали отбирать от агитаторов подписанный ими приговор о республике.

С этого момента начали посещать меня различные депутации. С 9 часов утра и до 10 и 11 часов вечера я пригвожден был к своему стулу, а днем ни одной минуты я не мог урвать, чтобы перекусить. Не только заниматься делами, но я не имел времени даже позавтракать. Обедал я часов около 11 вечера и после этого работал текущие дела, дабы не останавливать ход деловой машины. Но бывали часто случаи, что меня будили по ночам и требовали, чтобы я прибыл, то на митинг, то на заседания каких-то неизвестных мне комиссий.

Все разговоры депутаций сводились к требованиям повысить оклады, жалобам и уменьшению числа рабочих часов, к требованиям уволить начальников, которые требовали от агентов исполнения их долга, а равно и тех рабочих и служащих, которые несли добросовестную службу. Конечно, некоторые требования имели известное основание. Я никогда не противоречил им из желания настоять на своем, но никогда не сдавал своих позиций, когда правда и здравый смысл были на моей стороне.

Среди различных требований было одно очень оригинальное, ко мне явился депутат с просьбой организовать союз бывших каторжников, выпущенных Временным правительством из правительственных тюрем. Несколько удивленный подобным ходатайством, я спросил: «каковы же задачи этого союза, не организация ли грабежей?»

На это бывший убийца вынимает из кармана и дает мне письмо. Оказывается, что это собственноручное письмо министра юстиции Переверзева, которым разрешается образование союза бывших каторжан, и заявляет: «я собственно и в вашем разрешении не нуждаюсь, я только пришел поставить вас в известность об открытии действий союза»⁴. Такие же депутации осаждали и непосредственных начальников учреждений и отделов. Денно и ночью шла болтовня на митингах и с начальствующими лицами.

Для работы времени не оставалось, подчиненные вышли из повиновения, многие из высших агентов не выдержали напряжения, нервы их сдали, и они постепенно из строя выбывали. Месяца через три от начала революции помощник мой инженер Гинце умер⁵. На его место был назначен инженер Василий Дмитриевич Лачинов⁶.

Революция приняла вид какого-то торга или вернее, вымогательства денег, и все, что оказывало противодействие этому вымогательству, отметалось с дороги. Государственный аппарат и дело разваливались, все покрылось грязью, помещения засыпали шелухой семечек, грязь въелась во все, не исключая и души народной. Образовалось во время революции в полосе отчуждения два лагеря: один бессмысленных разрушителей и вымогателей, другой — стремившихся сохранить порядок и вверенные ему государственные денежные средства и имущество.

И я сейчас с чувством глубокого восхищения и уважения вспоминаю деятельность во время революции инженера Лачинова, этот человек долга и чести, во время революции ос-

тался таким же, каким был до нее. Он, несмотря на давление революции, не отказался ни от одного из исповедуемых им принципов и нигде не сдал своих позиций, несмотря на то, что это угрожало его жизни.

Такого же склада был на службе пути инженер Казакевич. Это человек бесконечно добрый, высоких нравственных качеств, стойкий борец за правду и непримиримый враг нарушителей справедливости и права⁷.

Не могу не упомянуть об инженере Бунцеве, помощнике начальника тяги — начальнике движения, максимально мужественно и честно служившего Родине, главного бухгалтера Астахова, помощника моего по гражданской части генерала Михаила Емельяновича Афанасьева⁸, генерала Георгия Карловича Дарсата и полицмейстера Арнольда⁹. Это люди, на которых обрушился первый и самый интенсивный удар революции. Это все люди, которых не сломил революционный ураган и которые мужественно несли свой крест и честно служили своему царю и Родине.

Первое время борьба между этими элементами имела характер формы диспутов и, конечно, всегда одерживала верх сторона, руководимая интересами дела, а не личными меркантильными интересами. Ей удавалось сдерживать так называемый революционный напор, а на самом деле, стремление к безделью и легкой наживе. В начале революции наш былой авторитет помогал сохранять кое-какой порядок в делах.

Мы на местах чувствовали, что стоит Временному правительству взять более решительный тон и потребовать восстановления порядка, поддержать на местах тех, кто оберегал административный аппарат от расстройств, они не дали бы революции дойти до анархии, а переварили революцию.

В провинции очень прислушивались к голосу Временного правительства, но такой поддержки местной администрации оказано не было. Правительство стремилось к разрушению старого порядка и меньше заботилось о внедрении порядка, чем об углублении революции. Этим оно думало оградить себя от реакции и само вырыло яму не только себе, но и всему русскому народу.

Вместо того чтобы укрепить власть, правительство разразилось распоряжениями, которые выбили из рук начальников армию, упразднили старую опытную полицию, выгнали всех губернаторов и раскассировало прежний состав судей. К тому же, правительство решило заменить этот состав. Через него оно намеревались проводить в жизнь свои мероприятия.

Наивно было думать, что это возможно сделать чрез вновь возникшие революционные организации, таившие уже в своем существе задатки анархии. Но правительство не понимало этого, что видно из сути приводимых документов.

Органами власти на местах в провинции явились комитеты, советы и другие организации из представителей общественных элементов. Никакого единообразия и никакой практической связи между этими организациями и центром не существовало.

Когда в Петербург приезжали из провинции представители старой и новой власти администрации и требовали однообразных действий Министерства Внутренних Дел, они неизменно получали от князя Львова тот же ответ, который он дал в интервью представителям печати 7 марта 1917 года¹⁰. «Это вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, и назначать никого не будет. На местах выберут.

Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением. Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь народа не для народа, а вместе с народом. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни».

Далее князь Львов говорит: «в области местного самоуправления программы Временного правительства составлены властными указаниям самой жизни. В лице местных комитетов и других подобных организаций они создали уже зародыш местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущим реформам, в этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания новых его органов.

Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления».

Министр путей сообщения Некрасов шел в деле углубления революции далее революционных организаций, вроде Викжеля (союз железнодорожников)¹¹. Распоряжения Некрасова разрушали все наши достижения в деле восстановления порядка в железнодорожной службе, где дисциплина и пунктуальность не меньше нужны, чем в армии.

Против арестов разными самозванными организациями чинов администрации, назначенных самим же Временным правительством, не протестовали, а их утверждали и этим подрывали авторитет местной власти. Более благоразумная общественность, старое земство, распоряжениями Временного правительства была отстранена, между тем, она была союзником Временного правительства.

Временное правительство поддерживало самочинные организации, а не основные стойкие, которые после манифеста Великого князя Михаила Александровича решили честно сотрудничать с Временным правительством на пользу Родины. Дабы обеспечить в Учредительном собрании большинство голосов за республиканское правление, революционеры, поддерживавшие правительство, стремились, пока народ не опомнился и не сорганизовался, пользуясь революционным угаром, произвести перевыборы в земстве и городской управе, а равно и в Учредительном собрании. Этот акт прошел без всякого руководства правительства.

Почти все места в земстве, городских самоуправлениях и в Учредительном собрании получили социалисты. Выборы эти были совершенно бесконтрольны и производились лица-

ми, которые никакого отношения к местам, где производились выборы, не имели. Как пример, могу указать на выборы во Владивостоке. В городские головы Владивостока попал какой-то господин, который только что прибыл из Америки и называл себя Огарев¹².

Благодаря отсутствию руководства Временного правительства в члены Учредительного собрания попали не представители русского народа, а кучка левых политиканов, социал-революционеров.

Программа Временного правительства была малопонятна. Захватив власть в свои руки, они ничего не сделали, чтобы укрепить ее, а наоборот, поддерживали и насаждали организации, которые боролись с Временным правительством и этим разваливали и само Временное правительство. Революция привела к власти тех лиц, которые критиковали деятельность государя и его министров. У власти оказались те, кто требовал ответственности министерства, и те, кого дума, народные представители, выдвигали на места министров.

Какие плоды принес переворот? Война, во имя чего был сделан переворот, до победного конца не доведена, армия ушла с фронта. России нет, честолюбцы, мнившие себя спасителями России и способными создать могущественную и счастливую Россию, со своих постов бежали, совершив величайшую глупость. Ни у кого, начиная с Милюкова и кончая Львовым и Гучковым, не хватило мужества вступить в открытую борьбу¹³.

Это акт торжества честолюбия над здравым смыслом закончился тем, что Временное правительство сдало без боя свои позиции агентам Германского Генерального штаба, продолжившим начатую думскими политиками бескровную революцию, за которую русский народ заплатил десятками миллионов жизней и длительным рабством.

Отношение союзных держав к нам и государственному перевороту в России

Революция в России была восторженно встречена широкими народными массами Англии, Америки, Франции и Италии, эти демократические страны искренне радовались крушению в России монархического строя.

Только отдельные государственные мужи критически отнеслись к перевороту во время войны и тревожились за исход войны с Германией. Все правительства союзных держав, одни из сочувствия к революционному правительству, другие по необходимости признали Временное правительство и вступили с ним в деловые сношения. Народы союзных держав, как они говорили, ждали от освобожденного русского народа проявления мощи народной и подвигов.

Америка, в целях оказания помощи русскому народу, командировала для усовершенствования железнодорожного дела комиссию инженеров во главе с инженером Стивенсом¹⁴. Комиссия Стивенса подробно осмотрела Китайскую Восточную железную дорогу, которая, кстати сказать, с февраля по день осмотра ее Стивенсом, была революцией доста-

точно расстроена и нашла, что она прекрасно оборудована и находится в хорошем состоянии. На банкете, данном в его честь русскими инженерами в Москве, он заявил, что если все русские дороги находятся в таком же состоянии, как Китайская Восточная железная дорога, то американским инженерам нечего делать в России.

После комиссии Стивенса через Харбин в Россию проследовала в очень большом составе миссия Сенатора Рута¹⁵. Цели ее поездки я точно выяснить не мог, но члены этой миссии со мною говорили о помощи дорогам и материальном снабжении России, истощившей свои запасы во время войны. Члены миссии Рута возлагали большие надежды на поездку и виделись с членами Временного правительства.

В числе членов миссии был Мак-Кормик, представитель известной всей России фамилии, снабжавший ее земледельческими орудиями.

Встречая комиссию Рута на обратном пути, я подметил некоторую разочарованность. Все были статичны, сдержанны и молчаливы. По-видимому, на практичных американцев революционный хаос произвел удручающее впечатление. Очень скоро и другие державы, т. е. люди, стоявшие во главе правительств, убедились, что признание революционного правительства не принесло никакой пользы общему делу борьбы с Германией.

Наши революционеры кричали, что русский свободный солдат покажет всему миру, на какой подвиг он способен. Но пришла весна, и русская революционная армия в наступление не переходила. Прежние методы понуждения, железная дисциплина были революцией сметены. Мы считали, что после приказа № 1 армия перестала существовать, и что заставить ее перейти в наступление нет никакой возможности. Революционные лидеры считали, что словом можно сделать больше, чем прежними методами, и не теряли надежды поднять фронт против германцев.

Союзники, обеспокоенные положением на русском фронте, командировали в Россию своих представителей, среди которых был известный лидер социалистической партии Альбер Тома¹⁶.

Однако фонтан революционного социалистического красноречия выезжавших на фронт Керенского и Тома не могли сдвинуть с места уже не армию, а толпу, головы которой засорены были массой непонятных идей, которыми революционные демагоги набили ей голову¹⁷. Толпа уперлась лбами в окоп, и сдвинуть ее не было никаких сил. Не менее восторженно встретили русскую революцию и в Германии. Немцы считали, что революция в России — это разгром русского фронта.

В то время когда Керенский и Тома убеждали солдат исполнить свой долг перед революцией и союзниками, командированные Германским Генеральным штабом агенты, противовес Альберу Тома, Ленин и компания уговаривали солдат протянуть руку германскому солдату, воткнуть штыки в землю и возвращаться на родину к своим семьям и заняться делом помещичьих земель. Толпа предпочла последнее.

Только офицерский состав частей, назначенных для прорыва германского фронта, верный долгу и присяге, вышел из окопов, атаковал германские позиции и погиб геройской смертью. Толпа же солдат бросилась домой и открыла немцам фронт.

Признанное союзниками революционное правительство делу не помогло, а наоборот, открыло революционные элементы, которые поняли, что им ниоткуда не угрожает опасность, и способствовали скорейшему выводу русского народа из рядов борющихся с Германией народов.

Почти одновременно с переходом власти к Временному правительству в Петербурге организовался совет рабочих и солдатских депутатов. Получились две параллельные организации, нигде и никем не объединяемые. В самом аппарате управления страной началась борьба. На местах, в провинции по образцу центра, как я раньше уже говорил, рядом с исполнительными комитетами функционировали советы рабочих и солдатских депутатов.

Существование в Харбине двух этих организаций давало много возможностей балансировать между ними. Но день ото дня становилось все яснее, что перевес приобретают крайние партии.

Временное правительство Львова, т. е. первого состава, состоявшего из партии кадетов и октябристов, должно было очень скоро уступить свое место Правительству Керенского, т. е. партии социал-революционеров. Этот сдвиг влево очень дал себя чувствовать на местах, захват пошел быстрыми темпами. Стремление правительства вызвать воодушевленный подъем интереса к войне успеха не имело, лозунг «все для войны» продержался недолго.

Правда, Корнилову удалось привлечь молодежь в ударные батальоны из тыла на фронт и от нас из железнодорожных батальонов поехали на фронт несколько рот, но и этот подъем национального энтузиазма скоро погас.

По Китайской дороге в это время непрерывной цепью потянулись из Америки русские эмигранты, бывшие политические деятели, революционеры, а также дезертиры из армии, укрывавшиеся во время войны от воинской повинности. Началась пропаганда большевизма в поездах, на станциях. Вся полоса отчуждения была наводнена этими пропагандистами большевистских идей. Я был поражен количеством этих людей и той массой денег, которой они располагали.

У меня создалось впечатление, что это не единичные эмигранты, пробирающиеся на Родину, а сколоченные опытной рукой организации, действующие, как и западные коммунисты, по заданию Германского Генерального штаба. Речи, произносимые ими, слушали с интересом, так как они явились новинкой. Они проповедовали прекращение войны против Германии и проповедовали войну буржуям и грабежи. Сначала эти речи вызывали смех толпы, а затем постепенно их растлевающие идеи начали прививаться многим из слушателей.

Ободренные и поддержанные возвратившимися из Америки эмигрантами местные, сравнительно малочисленные, большевики распоясались вовсю. Во всех общественных ор-

ганизациях и союзах им удалось добиться переизбрания и захватить доминирующие посты. В их руках оказалась и закупочная управа, учреждение, которое делало в Маньчжурии закупки для армии и различных организаций Сибири и Центральной России.

С ослаблением дисциплины с фронта началось дезертирство. Все поезда были переполнены безбилетными солдатами, которые выбрасывали из вагонов пассажиров, били зеркала, умывальники в уборных и привели подвижной состав в ужасный вид.

Чувствовалось, что и социалистическое правительство не удержится. Действительно, после оставления армией фронта и бегства Керенского, у власти оказались Ленин, Троцкий, Зиновьев, Свердлов и другие, на всех перекрестках денно и нощно кричавшие о войне дворцам и мире хижинам, и призывали грабить награбленное.

На дорогу хлынули волны солдат с оружием в руках без начальников, бросивших фронт. С этого момента никто не мог поручиться за завтрашний день. Эта лава разнuzданных людей, проникшая в полосу отчуждения КВЖД, обеспокоила Китай и местных консулов. Ко мне стали поступать с их стороны запросы о мерах, которые я считаю необходимыми для обеспечения спокойствия на территории и для поддержания регулярного движения на дороге.

Полагая, что с проходом возвращающихся с фронта к себе на Родину в восточные провинции солдат все более или менее войдет в норму, я заявлял, что восстановлю порядок своими силами, но поток не прекращался.

Началось и обратное движение по дороге. Пользуясь бесплатным проездом, ехали на восток и не только солдаты, уроженцы Приморья, но и уроженцы Западной Сибири за продуктами и товарами во Владивосток и Маньчжурию, снабжавшими всю Сибирь. Мои надежды на прекращение движения вооруженных банд по китайской дороге не сбылись.

Как мне стало известно, союзные державы поручили Китаю в случае надобности принять зависящие меры. В этот период развала ко мне обратились местные большевики с предложением признать власть большевиков. Причем они гарантировали мне, что большевики подтвердят мои полномочия, и я буду вести дело на таких же основаниях, как и теперь, и что в управлении не будет никаких перемен, никаких коренных преобразований.

Не получив моего согласия на признание власти большевиков, они все же не прервали со мной отношений и продолжали вести переговоры, чувствуя себя недостаточно сильными, чтобы меня сместить. Большая часть местной общественности, даже социал-революционеры, были на моей стороне.

Однажды большевики предъявили мне список, в котором были обозначены суммы, которыми они предполагали обложить местных коммерсантов и капиталистов, и предложили мне взыскать эти суммы.

Так, например, с Торгового дома Чурина¹⁸ надлежало взыскать два миллиона долларов, с Кулаева¹⁹ семь миллионов, с Чистякова²⁰ один миллион и т. д. Причем заявили, что если я

этих денег не взыщу, то они силой их взыщут. Таким образом, в Харбине революция перешла в другую фазу, в стадию вооруженного грабежа.

Тщетно пытаюсь склонить меня работать с ними, большевики повели против меня кампанию. На всех митингах, где большевики выступали против меня, они успеха не имели. Они оставались в меньшинстве, большинство состояло из беспартийных, которые отстаивали существующий в полосе отчуждения порядок и примыкавших к ним социалистов и партии народной свободы (бывших кадетов).

Общественное мнение в полосе отчуждения было против большевиков. Харбинский гарнизон, особенно железнодорожные войска, несмотря на деморализацию, которая была внесена в воинские части, в большей своей части не поддерживала большевиков. Эти обстоятельства тормозили революционную работу большевиков.

На одном из митингов, на котором глава большевиков в Харбине Рютин требовал моего отстранения от деятельности и ареста, ему, во избежание кулачной с ним расправы, пришлось бежать из зала заседания без фуражки и пальто и под проливным дождем.

Рютин производил на меня впечатление испуганного изувера, который бил все время в одну точку, не отдавая себе отчета, к чему может привести его работа. Сотрудником его был разбитый прогрессивным параличом и уволенный со службы за непригодностью офицер, который во время войны был вновь принят в армию. Этот человек, потерпев неудачу в прошлом, видел в революции средство добиться видного положения.

В большинстве случаев революционные деятели были ничтожествами, обладавшими, однако, для революционного вожака одним незаменимым качеством — это ни над чем не задумываться, ни перед чем не останавливаться и рубить сплеча.

Терпя неудачи, большевики все же продолжали стремиться к захвату власти в полосе отчуждения. В один прекрасный день, приехав в управление дороги, вхожу к себе в кабинет и вижу, что в моем кабинете сидят четыре человека: Председатель совета рабочих и солдатских депутатов Рютин, офицер 548 дружины, бывший до войны сельским учителем, прапорщик Ведерников, никому даже не известный, я в этот день увидел его в первый и последний раз, солдат пограничной стражи еврей Славин и хорошо мне известный сын швейцара петербургского Правления общества КВЖД²¹.

Швейцар, прощаясь со мной перед отъездом моим в Харбин, сообщил мне, что он серьезно болен и, должно быть, больше меня не увидит и просит меня оказать ему милость принять на службу дороги сына его, который окончил недавно городскую школу.

Я, желая утешить больного старика, принял на службу его сына конторщиком в одну из служб. Через некоторое время ко мне в Харбин явился этот юноша и сообщил, что к нему начальство придирается, и просил меня защитить его. Наведя по его жалобе справки, я выяснил, что его за леность со службы прогнали. Пришлось устраивать его на службу в другой отдел. И тут он на службе не удержался и был уволен. Последний раз он ко мне явил-

ся со следующей просьбой: «я, говорит он, заболел гадкой болезнью, и доктора лечат меня старым способом, я прошу вас предложить докторам лечить меня новыми методами». И эту просьбу его я исполнил.

Каково было мое удивление, когда Рютин заявил мне, что они требуют, чтобы я передал им власть. Причем Рютин заявил мне, что управляющим дороги назначен... никуда не годный конторщик. Заведующий гражданской частью — юноша Ведерников, он, Рютин, командующий войсками, а заведовать финансовой и коммерческой частью, конечно, еврей Славин, также мальчишка, не окончивший гимназию²².

Во время моих с ним пререканий служащие дороги, узнав, что у меня в кабинете большевики, запрудили весь коридор управления и требовали, чтобы я их поставил в курс переговоров моих с большевиками.

Увидев, какой оборот принимает их выступление против меня, они поспешно удалились, причем через главный ход удалиться не рискнули. Мне пришлось сообщить служащим о происшедшем и успокоить их, сказав, что никаких перемен в управлении дорогой не предвижу. Так закончилось требование большевиков о передачи им власти.

Однако, удержав в своих руках власть, развала остановить я не был в силах. Таким образом, не имея поддержки со стороны Временного Правительства, а имея в поездах и полосе отчуждения вооруженные банды солдат, прибывавших с фронта, единственным средством поддержания порядка было умелое использование партийных разногласий, не прибегая к резким мерам воздействия.

Ввод в полосу отчуждения китайских войск для охраны КВЖД

Разрастание движения, вредно отражавшееся на интересах держав, особенно подрывавшее торговые интересы Японии и буйство, и грабежи солдатской банды, ушедшей с фронта с оружием, дебоши, коим покровительствовала охрана дороги, распропагандированная революционерами, вынудило союзников поручить охрану суверену, то есть Китаю. Ясно было, что это было сделано союзниками для того, чтобы лишить Японию поползновений распространить свою охрану, функционировавшую уже на Южно-Маньчжурской дороге.

Получив поручение охранять дорогу, Гиринский и Цицикарский генерал-губернаторы уведомили меня о своем намерении ввести в полосу отчуждения китайские войска, а президент Фынгочан²³ командировал из Пекина для переговоров со мной и наблюдений за установлением охраны дороги генерала Хо и своего генерал-адъютанта Чжан Зу Чана²⁴.

Генерал Хо был пожилой грузный старик, которому очень шел прежний китайский костюм, и которому новая, европейского покроя, форма была как седло на корове. Чжан Зу Чан

был рослый красивый человек, стройный с черными усами, не выпускавший изо рта хорошую сигару.

Войсками под Харбином командовал Гиринский генерал Гау²⁵ — простой и очень симпатичный, а начальником штаба у него был очень болтливый молодой генерал Гау Ши Бин, человек с большим самомнением, окончивший китайскую академию генерального штаба²⁶. Он был высокий стройный молодой человек, по-видимому, ближе других державшийся Чжан Зу Чана. Этот молодой генерал в будущем стал сторонником Гиринского Генерал-Губернатора Мына²⁷.

Против Мына выступили Чжан Цзо Лин²⁸ и его свояк Бао²⁹ и прогнали его из Гирина. Его место занял генерал Бао. Гау Ши Бин, будучи поэтому врагом Чжан Цзо Лина, выступил против него со своей бригадой и был разбит, что решило участь Мына.

В 1925 году во время войны У Пэйфу³⁰ с Чжан Цзо Лином, Гау Ши Бин выступил против Чжан Цзо Лина, пробравшись в Маньчжурию через Владивосток и, взбунтовав там гиринские полки и набрав знавших его хунхузских главарей, двинулся по восточной ветке китайской дороги на Харбин.

Продвижение шло успешно, но командующий войсками Чжан Зу Чан, шедший с Гау Ши Бином, изменил ему и предал Гау Ши Бина, который по приказу Чжан Цзо Лина был казнен. Друзей на конференции у меня кабинете жизнь привела к смертельной вражде.

Получив это заявление, я сослался на наше право иметь по 15 человек охраны на километр дороги и выразил свой протест. Но, несмотря на мой протест, китайское правительство подтянуло к Харбину значительные силы, и 8 декабря 1917 г. китайцы предъявили совдепу требование разоружить дружины в трехдневный срок.

Протестуя против ввода китайских войск в полосу отчуждения, мне удалось добиться того, чтобы в полосе отчуждения оставлена была железнодорожная бригада, которая хоть и плохо вооружена, но 2/3 которой обслуживали дорогу, и удаление бригады могло бы пагубно отразиться на эксплуатации дороги. Кроме того, железнодорожная бригада была менее распропагандирована (и все время была под моим — зачеркнуто. — А. Л.) и была еще в руках командного состава.

Не получив от Совдепа на свой ультиматум ответа, китайские войска 13 декабря окружили казармы одной из самых революционных дружин.

Зная хорошо боеспособность китайских войск, я не думал, что китайцам удастся разоружить дружины. И если бы во главе Совдепа стоял не Рютин, прапорщик, уклонившийся от участия в войне и проявивший храбрость только против невооруженных людей, а дружиной командовал решительный военный человек, то китайские войска были бы дружинниками разогнаны, и тогда Харбин был бы разграблен большевиками, пока обстановка не выяснилась.

Узнав о выступлениях китайцев, Совдеп не решился собраться хотя бы в одной из дружин, чтобы руководить действиями в зависимости от обстановки. Рютин оставил свою квар-

тиру, так как боялся, что его китайцы могут арестовать, и с вечера начал сеять среди остальных членов совдепа панику. Он по телефону всех уведомил, что я подтянул к Харбину 36 вагонов китайских войск и что сопротивление Харбинского гарнизона бесполезно и невысказано.

Эти разговоры я слышал лично, так как, по-видимому, кто-то из телефонистов давал мне возможность слушать в течение всей ночи разговоры Рютина.

Разговоры Рютина и его единомышленников возвратили мне спокойствие, я понял, что сопротивление оказано не будет. Около почти шести часов ночи из казарм 548 дружины меня вызвал по телефону китайский полковник, который заявил мне, что дружина согласна сдать оружие, но только русским. Потому он просит прислать офицера и команду для приемки оружия. Я снесся по телефону с начальником охраны генералом Самойловым и получил ответ, что офицер и люди для приемки оружия назначены³¹. Я сообщил в дружину фамилию офицера, назначенного на приемку оружия, и лег спать.

Около восьми часов я был на ногах и готовился ехать в управление, как меня вызвали к телефону и сообщили, что в городе идет стрельба оружейная и орудийная.

Когда я прибыл на место происшествия, то оказалось следующее. Прождав большую часть ночи на сильном морозе, командир Китайского полка решил войти в переговоры с 548 дружиной и, получив согласие на переговоры, пошел в казарму вместе со своим помощником, взяв с собой небольшой конвой. Командира полка и помощника пропустили в казармы, а конвой задержали у входных ворот и в казарму не пустили.

Командир 548 дружины выборный революционного времени подполковник Давыдов, о котором я уже говорил в предыдущей главе, был в казарме и встретил китайского командира.

Во время переговоров выяснилось, что дружина согласна разоружиться, но сдавать оружие китайцам не хочет, требует, чтобы оружие пришли принимать русские. Когда это было установлено, тогда об этом сообщили мне и офицер для приемки был назначен. Но офицер этот медлил.

Волновавшийся неопределенностью положения, полковник Давыдов пожелал переговорить со штабом охранных войск и подошел к телефону. Стоявший за ним помощник командира китайского полка полковник Цзао-Чжи-Чан выхватил револьвер и выстрелил в затылок говорившему по телефону Давыдову и убил его.

Услышав стрельбу в казармах китайский конвой, стоявший у ворот, думая, что в казарме стреляют русские, открыл огонь. Находившаяся на позиции китайская артиллерия открыла огонь по казарме, но в казарму не попала, а попала в больницу, стоявшую много в стороне от казармы, полк также открыл огонь, но ни один из дружинников не был ранен. Во время этой стрельбы были ранены прохожие, ученики, шедшие в учебные заведения и служащие различных учреждений, всего 11 человек.

Рютин в эту ночь, переодевшись в женскую одежду, бежал, бежали и его ближайšie союзники. Совдеп прекратил свое существование, исполнительный комитет в Харбине и многих других пунктах закончил свое существование. На станциях приграничных в соседстве с большевиками они, хотя существовали, но никакой деятельности не проявляли.

Так что в один день по всей полосе отчуждения окончился сумбур от существования двух параллельных административных и судебных организаций. Надо сказать, что из недр революционных организаций на свет божий не появилось ни одного сколько-нибудь серьезного акта.

После эпизода во время разоружения 548 дружины генералитет китайский был очень взволнован, и, собравшись у меня в Харбине в управлении дороги, по-видимому, боялся, что я подниму историю. Но, я, выслушав их, сообщил им, что когда лес рубят, летят щепки и без жертв подобные операции не обходятся. Это их успокоило.

Дружинники, стоявшие вне Харбина в различных пунктах, разоружились добровольно и тотчас были отправлены на родину. Численность дружин была в 12 000 штыков, таким образом, после ухода дружин у меня остался свободный кредит на содержание двенадцатитысячной охраны.

Получив мой протест относительно ввода войск на территорию дороги, Китайское правительство заявило, что берет на себя охрану порядка на дороге и обеспечение администрации в возможности продолжать эксплуатацию дороги и выведет их тотчас, как только наступит успокоение. Таким образом, право иметь охрану вводом китайских войск до успокоения, не было нарушено.

Как я сообщал раньше, перестрелка во время разоружения была вызвана выстрелами, которые полковник Цзао Чжи Чан произвел в полковника Давыдова.

Цзао-Чжи-Чан утверждал впоследствии, что он не имел намерения убить Давыдова, но полагал, что это Рютин, который, по его мнению, заслужил подобной с ним расправы.

Командир китайского полка полковник Яо и его помощник Цзао-Чжи-Чан мне хорошо были известны. Полковник Яо имел сношения с железнодорожной администрацией со времени изысканий. Он жил в Имянпо и имел своей задачей охрану населения от хунхузов.

Начал свою службу в рядах китайской армии солдатом, очень скоро выдвинулся и достиг чина полковника и командира полка. Нравы населения, жившего в районе постройки дороги, были примитивны, и как все дикари, проникнуты ненавистью к пришедшим.

Однажды рабочие нашли кости, которые по своему строению напоминали руку человека. Рабочие бросили работу, утверждая, что русские едят китайцев. Оказалось, что найденная лапа принадлежала убитому медведю. Но рабочих убедить в этом не удалось, и отношения остались натянутыми.

Вскоре после этого эпизода был ранен выстрелом из-за куста инженер. Полковник Яо изловил людей, покушавшихся на жизнь инженера, они были судимы и казнены. Это был один из первых эпизодов, давший случай железнодорожной администрации войти в сно-

шение с полковником Яо. После этого сношения с полковником Яо не прекращались, так как район, где был расположен его отряд, был центром хунхузским.

Полковнику Яо, когда я с ним познакомился, было около 55 лет, это был человек выше среднего роста с густыми черными волосами и жидкими тоненькими усами. Ни в усах, ни на голове у Яо не было ни одного седого волоса, кожа глянцевитая, как у многих китайцев, тонкая и без морщин. Многие утверждали, что такое состояние кожи достигается частыми вытираниями лица горячими полотенцами.

Лицо Яо было красивое, выражение имело спокойное, он держал себя с достоинством. Видно было по его движениям, краткой, но содержательной речи, что это человек с большим природным умом, сильным характером и непреклонной волей. Эти его черты и выявились в его деятельности.

В борьбе с хунхузами он ежедневно подвергал свою жизнь опасности, в его работе не было рисовки, как у многих китайцев. Он добросовестно делал свое дело и не изменил себе ни разу, я думаю, что если бы его перевели в другой пункт и дали бы спокойную мирную работу, он не выдержал и бежал бы в тайгу.

В 1911–1912 годы началась китайская революция. В Фудадзяне, китайском городе, примыкающем к Харбину, революционеры сформировали исполнительный комитет, который опаривал власть у местной администрации³². Гиринский Генерал Губернатор командировал в Фудадзян из Имяньпо отряд под командой Яо.

Прибыв в Фудадзян, Яо осмотрелся и очень быстро решил действовать. В час, когда революционеры собрались, в помещение вошел Яо, один, без конвоя, и предложил комитету прекратить свою работу. На это заявление ему ответили выстрелами. Яо также выхватил из кобуры револьвер и начал на выбор бить членов комитета.

В это время в помещение вбежали люди Яо, и мало кому из членов комитета удалось спастись. Этим актом закончена была революция в Харбине (Фудадзяне), и больше никому не приходило в голову конкурировать с Даатаем Ли-Тя О³³.

Финальным аккордом деятельности полковника Яо было разоружение 548 дружины, где он употребил тот же метод, что и в Фудадзяне, свидетельствующий об его беззаветной храбрости и стальных нервах.

Сподвижник Яо в том разоружении 548 дружины был Цзао-Чжи-Чан. Его в 1906 году привел ко мне владелец ханшинного завода в соседней китайской деревне³⁴. При ханшинном заводе была торговля мануфактурой, оружием, товарами, и ломбард.

Не будучи знаком в первые годы своего пребывания в Маньчжурии с методами китайской торговли, я был поражен количеством приказчиков на заводе и в лавках, и высказал своему знакомому мое изумление и недоумение: «Да вот эта орда приказчиков съест твои доходы и тебя самого». «Пускай едят, я этого не боюсь, они, прежде всего, съедят сами себя. Они пайщики предприятия и жалованья я им не плачу».

Интересно, что этот человек, который не умел даже подписывать свою фамилию, сделал из ничего громадное состояние. Дружил я с этим китайцем прежде всего потому, что он был прекрасным человеком исключительной честности и отзывчивости. Нужен он мне был и в деловом отношении, я через него был осведомлен о китайском рынке и поражал своих сослуживцев знанием всего, что делалось в торговом мире. Китаец этот по фамилии Чжен-Лин-Шен хорошо говорил по-русски, и вот что рассказал мне о своей карьере.

Он был уроженец Мукденской провинции близ Ляояна³⁵. Сначала был матросом на парусной джонке, затем ходил в полевые работы, где ему платили 7 тунзыров в день и давали две лепешки³⁶.

Затем он продвинулся в следующие годы в Гиринскую провинцию и в самый город Гирин, где был водоносом. Он таскал воду из Сунгари, приходилось спускаться к реке и подниматься с наполненными ведрами до 80 раз в день. Затем ему удалось попасть рабочим землекопом в Россию в Уссурийский край, где он заработал немного денег и переменял свою профессию землекопа на каменопильщика.

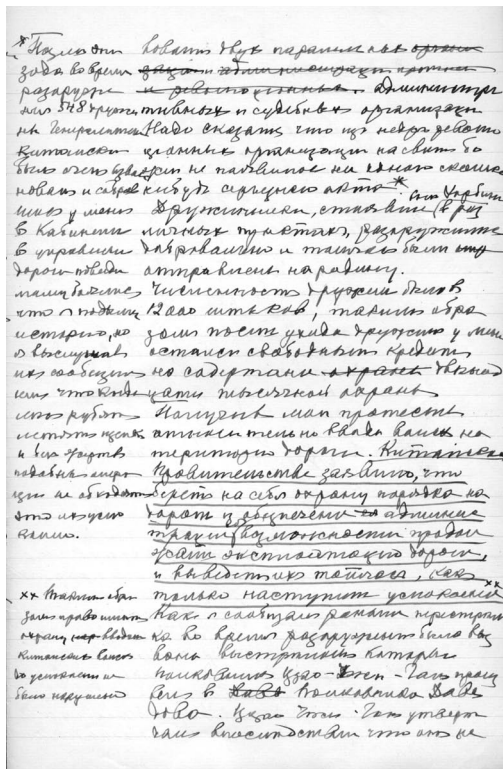
Упорный труд и крайняя бережливость дали ему возможность скопить немного денег и брать маленькие подряды на доставку камня, песка и постройку дорог, а затем более крупные подряды по Уссурийской дороге.

Когда началась постройка Китайской дороги, он перебрался в Манчжурию и работал на Китайской дороге, преумножая свое состояние. После окончания постройки дороги он занялся в Харбине хлебной торговлей. В этой роли хлеботорговца я и познакомился с Чжен-Лин-Шеном. Русские называют его Иван Петрович.

В один из дней, назначенных Чжен-Лин-Шену для посещения меня, он привел ко мне человека небольшого роста в черной без талии куртке, и, по-видимому, очень полного. Этот человек был в форменной фуражке и в темных синих очках. Чжен-Лин-Шен отрекомендовал мне своего знакомого как одного из главных агентов по выслеживанию и поимке хунхузов.

Чжен-Лин-Шен заявил, что этот господин спит, не раздеваясь, и на нем всегда несколько револьверов, что этот господин и днем и ночью готов для встречи хунхузов и отражения их. Действительно, этот господин по фамилии Цзао-Чжи-Чан, был обвешен револьверами и патронами, что и делало его на вид очень толстым. Приподняв полы своей куртки, он показал мне штук шесть револьверов, таким образом, доказательство, что он всегда был готов сразиться с хунхузами, были налицо. Но доказательство, что он спит, не раздеваясь, налицо не было, так как никакого зловредного запаха от одежды не было.

Когда Чжен-Лин-Шен меня познакомил с Цзао-Чжи-Чаном, то этот последний приподнялся, снял свои синие очки и начал перечислять мне свои подвиги, причем приписывая себе и поимку тех хунхузов, которые были задержаны нашей охраной и полицией без всякого его участия.

Фрагмент рукописи Д. Л. Хорвата. 1930 г.

Увидел я Цзао-Чжи-Чана после долгого перерыва во время сосредоточения китайских войск у Харбина. Явился ко мне Цзао в светло-синем мундире, расшитом золотом, в кепи с большим султаном, увешенный орденами, по-видимому, за службу революции. Держал он себя непринужденно и даже надменно, что не гармонировало с его грубыми и неуклюжими манерами.

Ясно было, что он позировал и передо мной рисовался, но все же, сквозь эту оболочку проглядывала детская наивность и личные его ко мне прежние симпатии. Он лично настаивал на том, чтобы китайские власти скорее приступали к ликвидации большевиков и не только разоружили дружины, но и арестовали бы главарей революционеров.

Он после разоружения дружины прилетел ко мне и рассказывал эпизод, происшедший в казарме 548 дружины, что он не имел намерения убить Давыдова. Он полагал, что старший в дружине Рютин, и так как он Рютина никогда не видел, то Давыдова принял за Рютина и по ошибке выстрелил в Давыдова.

Окончив свое самовосхваление, Цзао-Чжи-Чан надел очки и сел. Переждав некоторое время, Чжен-Лин-Шен объявил мне, что Цзао-Чжи-Чану нужен годовой билет, чтобы он мог спать в поезде, не предъявлять билет в кассу, и чтобы никто не знал, куда он едет, а то хунхузов всегда предупреждают о его приезде. Считая, что такого сыщика лучше иметь в своей зоне, я охотно выдал ему годовой билет.

После этого каждый год к сроку, когда надо было менять билет, являлся Цзао-Чжи-Чан, рапортовал об своих подвигах и получал билет. Цзао-Чжи-Чан был маленького роста, красивый, краснощекий, со змеиными глазками, ловкий и юркий унтер-офицер, очень живой и предприимчивый.

Со времени Китайской революции я Цзао-Чжи-Чана больше не видел, слышал только, что он в фаворе у Гиринского губернатора и командующего войсками. О том, какой пост он занимает, мне не было известно, но слышал, что он получил большое повышение.

Несомненно, Цзао-Чжи-Чан, неразборчивый в средствах карьерист, решил и тут прославиться. Ему, конечно, было все равно кого убить, но надо было заставить о себе говорить. После этого эпизода Цзао действительно получил повышение и вел в Харбине роскошный образ жизни.

Меня поражали те суммы, которые он тратил, он нашей прислуге дал на чай 100 мексиканских долларов, покупал бриллианты, я часто задавал себе вопрос, откуда у Цзао такие большие деньги, неужели это доходы от полка, которым он командовал.

У Цзао-Чжи-Чана все было экстравагантным, и смерть его была трагична. Старший сын его, поссорившись с отцом, вспылал и в припадке исступления убил отца, тяжело ранил мать, убил брата, сестру и жену. За что был судим и казнен. Так трагически погибла вся семья.

Формирование офицерских отрядов для борьбы с большевиками

После разоружения дружин и выселения их из пределов Манчжурии, в полосе отчуждения остались железнодорожные полки. 2/3 их состава коих несли техническую службу по эксплуатации дороги, и только 1/3 оставалась при штабах рот и несла в гарнизонах караульную службу. Эти части состояли из молодых солдат. И так как большая их часть была на живом деле, то они были в большем порядке, чем дружинники, и угрозы спокойствию не представляли. Хотя эти части были расшатаны пропагандой и усилиями Временного правительства и большевиками, которые больше всего думали об углублении революции, чем о другом. Конечно, следовало бы избавиться и от этих частей, но их массовый уход грозил нарушением правильности железнодорожного движения и пришлось с их присутствием мириться.

С уходом дружин в моем распоряжении остался кредит на содержание дружин в 12 тысяч солдат и вооружение на это же число. Право иметь на дороге охрану 15 человек на километр аннулировано не было. Японцы его оберегали, так как уничтожение этого пункта Портсмутского договора являлось прецедентом, неблагоприятным для Японии.

Все эти средства и вооружение я предполагал использовать на агитацию движения против большевиков и на формирование отряда. Осуществлению этого плана помогло следующее обстоятельство. Китайские войска, ставшие на охрану дороги, были расквартированы в Харбине, на станциях Манчжурия и Пограничная. Остальная линия была почти свободна, и никакой охраны не было. У китайцев не хватало войск и вооружения, чтобы занять всю линию. На маленьких станциях охрану несли одиночные люди.

Китайская охрана, состоявшая по большей части из набранных китайцами в воинские части хунхузов, распущенная и недисциплинированная, вызывала постоянные конфликты

с агентами дороги. Управление дороги было завалено жалобами на бесчинства, чинимые китайскими солдатами, а затем начали являться депутации от служащих и рабочих с просьбами заменить китайскую охрану русской.

На это я заявил служащим, что я сам об этом думал, но набрав опять в охрану бывших дружинников или дезертиров с фронта, бродивших из всей России в полосе отчуждения, мы наживем неприятностей, и китайские власти их вновь разоружат. Из этого положения есть выход, это сформировать охрану из оставшихся без дела офицеров, но вы все будете обвинять меня в контрреволюции. На это все в один голос просили меня принимать в охрану кого угодно, но возможно скорее заменить китайцев.

Таким образом, от самой революционной части населения — от рабочих, я получил мандат на формирование охраны из офицеров.

Начальнику охраны генерал-лейтенанту Самойлову было поручено начать формирование охраны из офицеров. Первым ротным командиром был назначен бывший командир 1-го Заамурского пограничной стражи полка полковник Орлов, георгиевский Кавалер Германской войны. Первым командиром Конной сотни ротмистр Вратель³⁷, также георгиевский Кавалер Германской войны.

Свою надежду о создании отряда для действия против большевиков я никому не открыл. Я набирал охрану для дороги. Первые офицерские части были встречены населением с нескрываемым восторгом, всем приятно было вновь увидеть ряды дисциплинированных войск, стройно проходивших по улицам. Даже маленькие караулы приветствовали прохожие криками ура. Народ соскучился по порядку.

Сформированные части предназначались для замены караулов от железнодорожных войск. Китайские власти считали это делом нормальным и препятствий формированию не чинили.

Китайские власти, осведомленные мною об этих формированиях, по-видимому, были довольны, так как они чувствовали, что с охраной дороги им не справиться. Все складывалось благоприятно. Ни на месте, ни в России, в большевистском стане, мои формирования опасности не вызывали. Я мог свободно увеличивать формирования. Приток офицеров из России в Манчжурии шел успешно. Препятствий этому движению не чинили.

В одно из воскресений, когда я был у себя дома, я увидел у меня в саду трех человек, которые шли по глубокому снегу. Мне показалось странным, почему эти люди у меня в саду и направляются к моему дому несуществующей дорогой, когда есть нормальный путь по очищенной от снега дороге. Когда я увидел, что они обходят дом и направляются к парадному крыльцу, я пошел в спальню, чтобы взять из-под подушки револьвер. Эта предосторожность была необходима, так как, кроме одного городского на посту около моего дома, вооруженных людей возле меня не было.

Возвратившись из спальни, я увидел в передней трех человек. Один из них подошел ко мне и сообщил, что он должен со мной переговорить, и мы направились в приемную комнату. Я ожидал, что и двое других пойдут с нами, во время революции не принято было говорить один на один, революционеры всегда приходили втроем. Когда я увидел, что двое из пришедших стоят на месте, я спросил пришедшего офицера, почему его спутники не идут, ведь в революцию разговор с глазу на глаз не принят. Он на это ответил, что они не революционеры и придерживаются старых правил.

Когда мы вышли, то этот офицер, назвавший себя штаб-капитан Жевченко, сообщил мне следующее: «я командирован к Вам Есаулом Семеновым. Он забайкальский казак, хорошо говорит по-бурятски и по-монгольски и со времени Керенского получил разрешение формировать Монголо-Бурятский полк³⁸.

Когда Семенов прибыл в Иркутск, правительство Керенского пало. Семенов добился того, что большевики подтвердили его полномочия на формирование полка. У Семенова собрано уже 900 человек, но ему не на что их содержать и он не имеет оружия, а потому обращается к Вам с просьбой дать деньги на содержание 900 человек, винтовки и пулеметы. Семенов желает бороться против большевиков».

Выслушав Жевченко, я спросил его — он тоже забайкальский казак, на это Жевченко ответил, что он не казак, а стрелок Сибирский. На мой вопрос, откуда он родом, он ответил мне, что он уроженец Херсонской губернии. Я пожелал узнать, какого уезда, оказалось, Александрийского, то есть той же губернии и уезда, что и я.

Это меня заинтересовало. Я любопытно узнал, городской ли он житель самой Александрии или из какой-либо деревень этого уезда. Оказалось, что его отец священник в Федорках, имени моего дяди. Это обстоятельство открыло мою душу, и я стал говорить с Жевченко без всякого опасения и заявил ему, что я Семенову не могу дать на формирование и содержание полка ни копейки.

За расходованием денежных сумм следит контролер, у него предварительная ревизия. Я не могу выплатить ни одной ассигновки, ордера об уплате, без подписи контролера, если я дам ордер на Семенова, то он не пройдет.

Кредиты предусмотрены сметой и могут расходоваться только по прямому назначению. Поэтому я предлагаю следующее: я формирую охрану дороги и предлагаю Семенову привести своих людей на дорогу. Мы их зачислим в охрану, дадим оружие и будем содержать до момента, когда представится возможность действовать. Моим ответом Жевченко, по-видимому, удовлетворился, но высказал сожаление, что он сейчас ничего не может привести Семенову. На этом наша беседа закончилась, и мы расстались.

Через некоторое время после беседы с Жевченко прибыл в Харбин есаул Семенов: коренастый, очень крепкого телосложения человек лет тридцати пяти. Брюнет со светло-серыми глазами, широко поставленными и смотрящими в разные стороны. Так что когда он

с вами говорил, глаза его на вас не смотрели, а взор направлен в пространство. Цвет глаз не гармонировал с цветом волос и кожи, что также производило неприятное впечатление. Вид у Семенова был лихой, на нем была очень большая папаха еотового меха, которую он хорошо носил, и которая придавала ему лихой и зверски дивный вид.

При свидании с Семеновым я повторил ему все то, что говорил Жевченко, рекомендовал ему обратиться к генералу Самойлову и сговориться с ним относительно зачисления его, Семенова, и его людей в охранную стражу.

Но Семенов с Самойловым не договорились. Семенов хотел, чтобы ему была предоставлена вся полнота власти в его отряде в строевом, административном и хозяйственном отношении. Самойлов настаивал на том, что Семенов, входя в состав охраны, должен подчиниться общим правилам, существующим для частей охраны.

Требование Семенова с организационной точки зрения было абсурдно. Оно сразу вносило в организацию дезорганизацию. Единство управления им подрывалось. После переговоров Семенова с Самойловым, которые ни к чему не привели, Семенов уехал на ст. Манчжурия, где было много забайкальцев.

Из действий и разговоров с Семеновым выяснилось, что он не намерен участвовать в движении под руководством опытного боевого офицера, а думает сам действовать в зависимости от обстоятельств, единолично или под руководством лица, в котором он будет нуждаться.

Конечно, Семенова ни в каком отношении нельзя было противопоставить генералу Самойлову. Самойлов в Японскую войну был начальником штаба одной из дивизий Сибирских стрелков, отличившихся во всех боях с японцами, а в Германскую войну командовал дивизией Заамурского округа пограничной стражи, покрывшей себя неувядаемой славой. Дивизию эту в армии называли за их чудеса храбрости зелеными чертями. Зелеными потому, что у них были зеленые погоны и канты.

Самойлов, офицер Генерального штаба с большим боевым опытом, выдающейся храбрости и энергии. А Семенов — только заурядный сотенный командир.

Через некоторое время после отъезда Семенова из Харбина я получил от него телеграмму: разоружил дружинников, арестовал исполнительный комитет и выслал из пределов Манчжурии, прошу ваших распоряжений³⁹. На это я ответил: «назначаю вас начальником Гарнизона Манчжурии, прошу вас в жизнь населения не вмешиваться».

Тут и выяснилось, что у Семенова никакого полка в 900 человек нет, что с ним кучка храбрецов человек в 50, которые выселили из казармы не успевших уехать после разоружения 15 полупьяных дружинников. Заняли их казармы, а затем арестовали революционный исполнительный комитет города Манчжурии и отправили его в Забайкалье.

На станции железной дороги, когда пришел пассажирский поезд, Семенов и его сподвижники вошли в поезд, который был переполнен солдатами-безбилетниками, занявшими

Атаман Г. М. Семенов с представителями американской миссии. 1918 г.

места в первом классе. Он начал вышибать солдат из вагонов 1-го класса. Сопrotивлявшихся порол нагайками, и через несколько минут в поезде был восстановлен порядок.

Солдаты, занимавшие места в первом классе, после первых полученных нагаек разместились в 3 классе и вагонах, приспособленных для перевозки военных. Заявили: давно бы так, а то нам никто не говорил, что нельзя занимать вагонов первого и второго класса.

Надо отдать должное Семенову и его сподвижникам — они первые решили применить публично против большевиков ту меру, которую большевики применили в отношении русского народа, то есть насилие и террор.

Да простит мне Бог, но я решил поддерживать Семенова. Я полагал, что нужно поддерживать всякую инициативу, направленную против большевиков. Кроме Семенова образовались группы Калмыкова⁴⁰, Меди⁴¹, еще одного артиллерийского офицера фамилию которого забыл. Хотя мне ясно было, что эти офицеры стремятся к сепаратным действиям, мечтая о возможности сделать карьеру Наполеона.

Но, принимая во внимание, что все эти действия, в какую бы они форму не вылились, направлены на ниспровержение большевизма, я зажигал искры активизма, не считая себя вправе гасить, и раздувал их в пламя. Конечно, такие маленькие отряды не могут с успехом действовать, и вынуждены будут впоследствии влиться в одно целое. Я был уверен, что тот, у кого в руках средства борьбы, и соединит эти тлеющие искры в пламя.

Но многие мои единомышленники не поняли моего плана, а открывать его я не мог, и повели наступление на Самойлова — единственную легальную организацию, и офицеров, поступивших на охрану дороги. А такие лица, как адвокат Александров и российский консул Попов, перенесли свои симпатии на Семенова и мелкие отряды, превознося их патриотизм и жертвенность, и упрекали офицеров охраны, говоря им: «надо спасти Родину, а вы нанялись караулить отхожие места КВЖД».

Конечно, каждому было лестно организовать отдельный отряд и никому не подчиняться. Такими речами вывели из охраны отличных офицеров, которые заявили, что они образуют отдельные самостоятельные отряды, не подчиняющиеся генералу Самойлову, и признают своим начальником только меня.

Все начальники отрядов просили меня стать во главе войск и выступить из Манчжурии на борьбу с большевиками. Принимая во внимание, что отряды были маленькие, недостаточно спаяны, я эти предложения отклонял. Я утверждал, что выступление с ничтожными силами обнаружит наши намерения и большевики лишат нас притока офицеров и солдат, антибольшевистски настроенных. Нам нужно организовать под флагом охраны дороги без шума и широковещательных воззваний и прокламаций.

Своим выступлением в Манчжурии Семенов лишил меня возможности открыто помогать ему, но после его выступления в Манчжурии около него сгруппировался значительный отряд. К нему потянулась молодежь, не умеющая терпеливо ждать развития событий. У Семенова же не было ни денег на содержание отряда, ни оружия. Пришлось доставать для содержания Семеновского отряда деньги от частных лиц, а затем указать возможный способ доставать оружие.

Положение с Семеновым осложнилось еще и тем обстоятельством, что на станции Манчжурия стояла железнодорожная рота численностью 300 человек, которая была взволнована действиями Семенова и обратились ко мне за разрешением арестовать Семенова как контрреволюционера и душителя добытых народом свобод.

Пришлось потратить много времени и прибегнуть к всевозможным ухищрениям, чтобы убедить, что Семенов с нами, что он борется за восстановление Учредительного собрания.

Действия Семенова вызвали брожение в среде солдат железнодорожной бригады. В это же приблизительно время было получено известие из России, что съезд представителей железнодорожных войск постановил расформировать железнодорожные войска.

Начались митинги среди железнодорожных войск, и в результате коих ко мне была командирована депутация представителей от железнодорожных полков, которая предъяви-

ла требования убрать Семенова. В противном случае они вынуждены будут расправиться с ним сами, как с контрреволюционером и оставить службу в железнодорожных войсках.

С большим трудом мне удалось их убедить, что Семенов не контрреволюционер, а защитник добытых свобод, которые душат большевики. Он, как и мы, борется за Учредительное собрание. А затем я начал убеждать их не бросать дорогу, заявляя, что они являются опорой порядка и охраной русского населения полосы отчуждения. Наше свидание с депутатами окончилось тем, что они решили передать нашу беседу на места, и затем уже дать мне ответ.

Но идея о возможности оставить военную службу проникла глубоко. Я видел, что многим солдатам, служащим на дороге, идея перейти на службу по вольному найму очень улыбалась. Поэтому я, рассчитывая, что солдаты вынесут решение о расформировании железнодорожной бригады, сделал объявление о том, что ушедшие в запас солдаты, занимающие должности на дороге, могут на них остаться на окладах, получаемых вольнонаемными служащими.

Через несколько дней была получена мною резолюция чинов Заамурской железнодорожной бригады, что они постановили расформировать бригаду, и требуют увольнения нижних чинов в запас. Все служившие на дороге пожелали остаться на окладах вольнонаемных, так что расформирование бригады ущерба движению не нанесло, а беспокойный элемент уехал в Россию.

Семеновский конфликт с железнодорожными солдатами был изжит, и Семенову пришлось подсказать, чтобы он взял оружие, сданное в цейхгауз железнодорожными солдатами, так как официально я этого сделать не мог.

Таким образом, мой план под флагом железнодорожной охраны спокойно, без шума создать сильный отряд не удался, этот план был расстроен наполеонствующими молодыми людьми, не принесшими делу никакой пользы, а сильно осложнившими задачу борьбы с большевиками.

Пришлось изыскивать способы не только регулировать отношения между отрядами, но изыскивать средства на содержание и вооружение отрядов. Из железнодорожной кассы я черпать средства не мог, запустивши лапу в железнодорожную кассу, я бы вызвал новую революцию. Нельзя было нарушать основных принципов и остова железнодорожного хозяйства. Раз бы я его раскачал, упало бы все сооружение, пошло бы повальное расхищение железнодорожных капиталов и имущества, дело бы наше погибло. Мой противозаконный поступок явился бы прецедентом для других беззаконий.

Стать во главе сформировавшихся отрядов я не мог, так как, не участвуя в последней войне на полях сражений, я отстал от новейших методов ведения войны. Кроме того, у меня на руках было большое русское дело. Вот почему я искал опытного боевого генерала для того, чтобы спаять воедино все отряды под общим командованием.

Мой выбор остановился на генерале Плешкове, очень популярном генерале в среде Сибирских войск. Генерал Плешков командовал Сибирским корпусом под Варшавой и Прасны-

шем⁴². В этих боях Сибирские стрелки одержали блестящие победы над германцами. Генерал Плешков мое предложение командовать всеми отрядами в полосе отчуждения принял.

Формирование отрядов, ясно выраженная их программа борьбы с большевиками обеспокоила Ленина и советских комиссаров. Поднялся крик на всех митингах с призывами к борьбе с реакцией. Обеспокоены были и революционные элементы в полосе отчуждения. Началась за мной слежка, и мне нужно было на время прекратить свою работу по формированию отрядов.

Но события быстро развивались, и нужны были деньги на довольствие чинов отряда. Дабы не делать шума, я обратился, прежде всего, к инженеру Стивенсу, который со всем своим штатом выехал во время большевиков из России.

Он остался на КВЖД и на Уссурийской дороге, осуществляя задачу помощи американской русскому народу, вызванную симпатичным отношением Америки к русской демократии. Но инженер Стивенс сказал, что он лично оказать содействие не может, но согласен запросить Правительство Соединенных Штатов.

Не получив удовлетворительного ответа, я попросил консула Попова позондировать почву у Английского консула, и материальная поддержка отрядам была оказана. Это обстоятельство навело меня на мысль, что нашему движению сочувствуют союзные державы. Я направил все усилия, чтобы привлечь на нашу сторону не только симпатии, но и денежную помощь и оружие.

Пока сообщение России с Манчжурией не было закрыто, в полосу отчуждения бежали все элементы, отказавшиеся работать с большевиками и жить под гнетом кучки коммунистов. Большинство оставивших пределы России понимали, что большевики ведут страну к разрушению и русский народ к гибели.

Ясно было, что управлять страной на коммунистических началах нельзя. Людям, стоявшим во главе больших дел, было ясно, что большевики с задачей управления страной не справятся и ничего нового не создадут, а все старое плохое и хорошее разрушат.

Государство не может благоденствовать, если оно не призовет к сотрудничеству частную инициативу. Большевики же стремятся весь народ обратить в стадо баранов. Правительство взяло на себя промышленность обрабатывающую и добывающую, торговлю, воспитание детей и кормление грудных ребят. Оно взяло на себя контроль и регулирование устава частной жизни отдельных лиц. Правительственная власть следит за распределением даже квартир и, вследствие отсутствия торговли, занято распределением продуктов питания.

Какой нужен аппарат, чтобы справиться с взятыми и возложенными на правительство задачами! Такого аппарата не удастся выработать даже столетиями. Если бы вместо людей были бы даже бараны, то 150 000 000 баранам трудно было бы подыскать хороших пастухов. Не желая быть участниками в работе по разрушению своей родины, эмигранты отказались

от работы с большевиками, оставили свою Родину и решили сделать все, чтобы избавить свою Родину от большевиков.

Вот почему мы, жители полосы отчуждения и прибывшие из России эмигранты, решили, пока большевики не организовались, выступить против них с оружием в руках и вести борьбу до победного конца.

Наша борьба — это не акт мести за умерщвленных наших отцов, матерей, братьев и детей. Это акт жертвенности, вызванной любовью к русскому народу и Родине.

В полосу отчуждения, свободную от большевизма, стекались люди с разных концов России, преимущественно жители левого берега Волги, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Прибыл и бежавший из Петербурга член Правления общества КВЖД и директор Русско-Азиатского банка А. И. Путилов⁴³.

Из Правления дороги в это время получались распоряжения, по-видимому, диктовавшиеся им большевиками, выполнение которых было невозможно. Таким образом, мало-помалу роль петербургского Правления свелась на нет. Распорядителем делами общества стало управление дороги во главе с управляющим дорогой.

Но ввиду того, что Китайское правительство назначило Председателя правления, дабы избежать каких бы то ни было вопросов об организации Правления, мы, после совещания в управлении дороги совместно с Путиловым, решили восстановить Правление.

Мы попросили Путилова кооптировать новых членов Правления вместо задержанных в Петербурге: вице-председателя Вентцеля⁴⁴, Ходоровского⁴⁵, Львова, Зенде, Кондратовича, председателя ревизионной комиссии Жадвоина и помощника его Ругевича, людей высокой интеллигентности честности и преданности делу.

Все это были люди, привлеченные на службу КВЖД графом Витте, который ничем не стеснялся, чтобы привлечь на службу в свое ведомство выдвинувшихся по разным специальностям выдающихся людей. Большинство этих выдающихся лиц погибло, только несколькими из них удалось пробраться в Польшу. Ругевич и член Правления Кондратович занимали видное положение в государственном аппарате.

Окончание в следующем номере...

¹ Александров Владимир Иванович (ок. 1869–1934), присяжный поверенный, близок к эсерам. Депутат Харбинского общественного управления, председатель и член Исполнительного комитета общественных организаций Харбина (март–июнь 1917 г.), организатор Харбинского Комитета защиты родины и Учредительного собрания (после октября 1917 г.), член Харбинского общества домовладельцев, совладелец гостиницы «Модерн» с С. И. Каспе, в эмиграции жил в Японии, с 1924 г. — в США.

² Рютин Мартемьян Никитич (1890–1937), большевик с 1914 г. Во время Первой мировой войны служил в Харбине в чине прапорщика. В 1917 г. — председатель Харбинского комитета РСДРП(б). Глава Иркутского во-

енного округа (1918–1921), председатель президиума Иркутского губкома РКП(б). Расстрелян (1937). Реабилитирован (1988).

³ Стрелков Николай Арсеньевич (1879–1930?), меньшевик. Преподаватель литературы в Харбинском Коммерческом училище и в харбинской гимназии (Христианский союз молодых людей) в 1920-е гг. Выборный делегат от полосы отчуждения КВЖД в Учредительное собрание в Петрограде в 1917 г.

⁴ Переверзев Павел Николаевич (1871–1944), министр юстиции во втором (первом коалиционном) составе Временного правительства. В 1920 г. из Крыма эмигрировал в Константинополь, оттуда в Париж. Продолжал заниматься юридической практикой, член Союза русских адвокатов.

⁵ Гинце Александр Константинович (1856–1917), инженер, начальник службы эксплуатации КВЖД с 1906 г. Председатель Общества русских ориенталистов в Харбине. Его сын, Михаил Александрович Гинце (1900–1992), написал мемуары «Русская семья дома и в Маньчжурии».

⁶ Лачинов Василий Дмитриевич (1872–1933), помощник начальника Службы тяги (1903), начальник Службы тяги (1907 г. — 31 марта 1918 г.), помощник Управляющего дорогой по железнодорожной части (1–27 апреля 1918 г.), и. о. Управляющего дорогой (28 апреля 1918 г. — 5 ноября 1920 г.), товарищ Председателя правления Общества КВЖД (6 ноября 1920 г. — 5 июля 1921 г.), старший консультант правления общества (июль 1921 г. — октябрь 1924 г.).

⁷ Казакевич Дмитрий Петрович (1869–1924), из дворян. Окончил Институт инженеров путей сообщения. Поступил на службу Общества КВЖД в 1902 г. начальником одного из строительных участков около Хайлара. Помощник начальника Службы пути (1911), начальник Службы пути (1915), и. д. помощника Управляющего дорогой по Железнодорожной части (1 июня 1918 г. — 6 ноября 1920 г.), и. о. Управляющего дорогой (7 ноября 1920 г. — 1 февраля 1921 г.). Уехал в США, погиб на лесопилке в результате несчастного случая. В Сиэтле ему поставлен памятник.

⁸ Афанасьев Михаил Емельянович (1857–1936), военный юрист, генерал-лейтенант, военный судья во Владивостоке, помощник управляющего КВЖД по общим делам (до октября 1924), умер в Харбине.

⁹ Арнольд Роман Аполлонович, фон (?–1930), участник русско-японской войны (1904–1905). После 1905 г. служил в Харбине и заведовал полицией в полосе отчуждения КВЖД, с 1918 г. — начальник контрразведки в полосе отчуждения КВЖД.

¹⁰ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, председатель Земгора (1915–1917), министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства до 7 июля 1917 г., в январе 1918 г. арестован большевиками, провел в 3 месяца в тюрьме Екатеринбурга. Выехал в Сибирь, оттуда командирован Временным Сибирским правительством в США, Англию, Францию. С 1918 г. жил в Париже, член Русского политического совещания (1918–1920).

¹¹ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), инженер путей сообщения, профессор Томского технологического института, член ЦК кадетской партии (1909–1917), лидер ее левого крыла, член III и IV Государственной Думы, министр путей сообщения в первом составе Временного правительства, министр финансов и товарищ министра председателя его последующих составов (до 1 сентября 1917 г.), служащий Наркомпрода (1917). Член правления Центросоюза РСФСР и СССР (1921–1930), осужден на 10 лет по делу ЦК РСДРП (меньшевиков), освобожден (март 1933 г.), расстрелян (1940).

¹² Агарев (Огарев) Александр Федорович (1878–?), социал-демократ, журналист, редактор газеты «Новый мир» до 1917 г. Городской голова Владивостока (с августа 1918), жил в Шанхае с мая 1919 г. Глава пекинской делегации приморской областной земской управы (май 1920 г.). Заместитель главы (с декабря 1920 г.) и фактический руководитель (май 1921 — март 1922 г.) миссии Дальнего Востока в Пекине.

¹³ Милоков Павел Николаевич (1859–1943), общественный и политический деятель, историк, публицист, один из организаторов кадетской партии, председатель ее ЦК (1907–1918), депутат III и IV Государственной

Думы, министр иностранных дел Временного правительства первого созыва. Один из организаторов антибольшевистского движения на юге России, эмигрировал в конце 1918, умер во Франции; Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический деятель, предприниматель, лидер партии «Союз 17 октября», член III Государственной Думы, председатель III Государственной Думы (1910–1911), член Государственного Совета (1907, 1915–1917), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917), военный и морской министр Временного правительства первого состава, с 1919 г. в эмиграции, жил в Берлине, Париже.

¹⁴ Джон Фрэнк Стивенс (1853–1943), железнодорожный инженер, главный инженер строительства Панамского канала (1906–1908). В 1917 г. возглавил Комиссию железнодорожных экспертов, отправленную правительством США в Россию. Весной 1919 г. Комиссия была во Владивостоке и следила за проведением работ по ремонту Транссибирской железной дороги и ее ветки КВЖД. В Маньчжурии возглавлял Президиум администрации, руководившей работой всего Транссиба и КВЖД до 1923 г., пока там оставались союзнические войска.

¹⁵ Элиу Рут (1845–1937), американский политик, лауреат Нобелевской премии мира (1912), военный министр США (1899–1904), государственный секретарь США, проводил политику открытых дверей на Дальнем Востоке (1905). В 1917 г. после Февральской революции в России был отправлен в Россию со специальной миссией.

¹⁶ Альбер Тома (1878–1932), французский политик, социалист. Министр вооружений (1916). После Февральской революции прибыл в Россию для переговоров с Временным правительством и Петроградским советом.

¹⁷ Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический деятель, эсер, министр-председатель Временного правительства с июля 1917 г., в эмиграции с июня 1918 г. Редактировал газету «Дни» в Берлине, Париже (1922–1932), жил в США с 1940 г., один из организаторов «Лиги борьбы за народную свободу».

¹⁸ Чурин Иван Яковлевич (1834–1895), иркутский купец 1 гильдии. Участник Амурских сплавов генерала Н. Н. Муравьева-Амурского. Торговую деятельность начал с караванной торговли в Забайкалье и Приамурье в 1867 г. Создал торговый дом «И. Я. Чурин и К^о» с конторами и магазинами в Москве, Туле, Одессе, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Иркутске, Чите, Сретенске. Имел представителей в ряде европейских и азиатских городов. Торговал в Харбине и Мукдене. Владелец золотых приисков в Амурской обл. Продукция чуриновской фирмы получала высшие награды на российских и международных ярмарках и выставках (Лондон, Берлин, Рим). Занимался благотворительной деятельностью. Его преемники работали в фирме в Харбине до 1945 г.

¹⁹ Кулаев Иван Васильевич (1857–1941), красноярский предприниматель, золотопромышленник, металлург, строитель. Сыграл значительную роль в торгово-промышленном развитии Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. Занимался благотворительной деятельностью, открывал школы, церкви, больницы. Широкий размах эта деятельность получила в годы эмиграции, в Маньчжурии (Харбин) и Китае (Шанхай), а также в Европе. Оказывал помощь эмигрантским учебным заведениям. Последние годы жизни провел в США, основал в 1930 г. в Сан-Франциско Просветительно-благотворительный фонд его имени. Автор воспоминаний «Под счастливой звездой».

²⁰ Чистяков Илья Федорович (?–1922), харбинский коммерсант, чаоторговец. Происходил из крестьян Рязанской губернии. Приехал в Маньчжурию в 1902 г. из Екатеринбурга. На средства Чистякова в Харбине были построены Софийский храм (старый) и службы при нем; храмы в Уссурийском крае, в Мукдене на кладбище павших русских воинов. Пожертвовал церкви Харбинских Коммерческих училищ набор колоколов. За общественно-благотворительную деятельность был пожалован императором Николаем II званием коммерции советника.

²¹ Славин Борис (ок. 1897–1918). В 1917 г. — заместитель председателя Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В соответствии с Приказом № 1 Военно-революционного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов г. Харбина в декабре 1917 г. для заведования дипломатической и политической частью дел Управления дороги был назначен комиссар товарища председателя Харбинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Борис Славин. Впоследствии вошел в состав Центросибири (Центральный исполнительный ко-

митет Советов Сибири (ЦИК Сибири или Центросибирь), где был комиссаром финансов. Ушел на фронт и оставил свой пост (июль 1918 г.), убит белыми в начале ноября 1918 г. у Олекминска в Якутии.

²² Очевидно, автор допустил ошибку, так как назначение Б. А. Славина было определено приказом Военно-революционного Комитета, о чем указано в сноске 21.

²³ Фэн Гочжан (1859–1919), служил в северной армии под командованием Юань Шикая. В 1909 г. — глава военного совета в военном Министерстве, начальник генерального штаба. С 1916 г. после смерти Юань Шикая занял пост вице-президента, глава чжилийской группировки. В июне 1917 г. — ноябре 1918 г. — временный президент китайской республики.

²⁴ Чжан Цзучан (1881–1932), китайский милитарист, в русской армии во время русско-японской войны, позже на службе у Чжан Цзолина в Маньчжурии (1922–1925), руководил привлечением на военную службу русских офицеров-беженцев (1924–1928), военный и гражданский офицер провинций Шаньдун (1925–1928), Маршал, погиб в результате покушения.

²⁵ Тау Сянгуй — генерал-лейтенант, главнокомандующий китайскими войсками на линии КВЖД в Гиринской провинции, 22 октября 1918 г. награжден Д. Л. Хорватом орденом Св. Станислава первой степени.

²⁶ Гау Шибин — генерал-лейтенант, помощник главнокомандующего китайскими войсками на линии КВЖД в Гиринской провинции, 22 октября 1918 г. награжден Д. Л. Хорватом орденом Св. Станислава первой степени.

²⁷ Мын Еенюан, генерал, командующий войсками Гиринской провинции, 22 октября 1918 г. награжден Д. Л. Хорватом орденом Св. Анны первой степени.

²⁸ Чжан Цзолин (1875–1928), фэнтяньский генерал-губернатор и управитель, после смерти Юань Шикая инспектор трех провинций Северо-Востока (Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян), затем с помощью Японии поставил их под свой контроль. В 1928 г. был разбит войсками Чан Кайши, и вскоре погиб при взрыве поезда.

²⁹ Бао Гуйцин (1867–1934), китайский генерал, военный и гражданский губернатор Хэйлунцзянской провинции (1917–1919), военный губернатор Гиринской (Чаньчуньской) провинции (1919–1921), председатель Правления общества КВЖД (август 1919 г. — май 1920 г.; октябрь 1924 г. — июнь 1925 г.). 22 октября 1918 г. награжден Д. Л. Хорватом орденом Св. Анны первой степени.

³⁰ У Пэйфу (1874–1939), китайский милитарист, глава чжилийской клики, генеральный инспектор провинций Хубэй и Хунань (1921), контролировал Пекинское правительство (1922–1924), провинции Хэнань, Хубэй и Хунань (до 1926).

³¹ Самойлов Михаил Константинович (1868–1940), военный деятель, генерал-лейтенант, начальник охранной стражи КВЖД до 1915 г., начальник охранной стражи КВЖД на основе вольного найма с ноября 1917 г., консультант Правления общества КВЖД в Харбине. В 1920 г. покинул Харбин, с 1934 г. жил во Франции.

³² Фудадзян (Фуцзедян) — район Харбина, где проживали в основном китайцы.

³³ Даотай — начальник округа; чиновник, заведовавший какой-либо отраслью провинциального управления.

³⁴ Ханшинного — то есть водочного.

³⁵ Ляоян (Ляо-ян) город в Манчжурии, в Мукденской провинции. Известен кровопролитным сражением русских с японцами 11–21 августа 1904 г.

³⁶ Тунзыр — местное название медной пятикопеечной монеты.

³⁷ Враштил (Враштель) Виктор Владимирович (1885–1920), военный деятель. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище в 1907 г. Ротмистр 2-го Заамурского пограничного конного полка. В декабре 1917 г. приступил к формированию эскадронов в Харбине, с марта 1918 г. командовал дивизионом пехотных войск, командир Конно-егерского полка в Приморье (в Никольск-Уссурийском). В сентябре 1918 г. подполковник, в октябре 1918 г. — полковник. Взят в плен у ст. Полтавки (январь 1920 г.), убит в апреле 1920 г.

³⁸ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), военный деятель. В 1916 г. в Забайкалье занимался формированием монгольских и бурятских полков. В 1918 г. во время мятежа Чехословацкого корпуса с помощью японских войск Г. М. Семенов утвердился в Забайкалье, установив режим военной диктатуры. После образования Дальневосточной республики в 1920 г. пришел к власти на Дальнем Востоке, опираясь на японские войска. В 1921 г. эмигрировал. Автор мемуаров «О себе. Воспоминания, мысли и выводы». В 1945 г. был схвачен в Маньчжурии и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

³⁹ На станции Маньчжурия был создан Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. 19 декабря 1917 г. отряд в составе 7 человек разоружил 720 ополченческую дружину на ст. Маньчжурия и Даурия.

⁴⁰ Калмыков Иван Павлович (1890–1920), есаул Уссурийского казачьего войска, атаман уссурийских казаков (1918). Формально подчинялся Д. Л. Хорвату. С помощью японцев и чехословаков разбил красных и захватил полосу железной дороги от Никольска-Уссурийского до Хабаровска. Занял Хабаровск (сентябрь 1918 г.). Генерал-майор (1919). Из-за насилий Калмыкова над мирным населением в Приморье и Приамурье партизанское движение там приобрело особую силу. Его называли «белым большевиком», так как грабил китайских купцов, торговцев опиумом, из-за чего у Омского правительства были дипломатические скандалы с Китаем и другими странами. Бежал в Маньчжурию (февраль 1920 г.) во время наступления Красной Армии. Арестован и расстрелян китайскими властями.

⁴¹ Меди, штабс-капитан. Сотрудничал с Г. М. Семеновым, получил от него должность Начальника военных сообщений и чин генерала.

⁴² Плешков Михаил Михайлович (1856–1927), генерал от кавалерии, с 1912 г. командир 1-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В середине 1917 г. был отстранен солдатами от должности командира корпуса. Главноначальствующий в полосе отчуждения КВЖД (декабрь 1918). В эмиграции в Харбине, работал в управлении КВЖД.

⁴³ Путилов Алексей Иванович (1866 г. — после 1937 г.), финансист, промышленник. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1889), служил в Министерстве внутренних дел, в Министерстве финансов (1890), товарищ министра и управляющий Дворянским и Крестьянским банками (1905). В 1905 г. стал членом правления Русско-китайского банка. Председатель правления Русско-Азиатского банка (1910). В 1917 г. эмигрировал во Францию, возглавлял в Париже отделение Русско-Азиатского банка.

⁴⁴ Вентцель Александр Николаевич (1854–1927), инженер путей сообщения. Окончил Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, работал на Курско-Киевской, Московско-Казанской и других железных дорогах. В 1903–1920 гг. товарищ председателя правления Общества КВЖД. Участвовал в строительстве и последующей службе на КВЖД. Похоронен в Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище.

⁴⁵ Ходоровский, инженер, действительный статский советник.

“There was a great Russian affair in my hands...” Memoirs From the Archive of General D. L. Khorvat (Part I).

Published by A. V. Lugovaya

AUTHOR: Head of the «New Museums and Exhibitions» department, State Museum-Reserve «Peterhof» (Saint-Petersburg); an.lugovaya@vandex.ru